

Николаевича Муравьева. Незадолго перед назначением, будучи губернатором Тульской губернии, Муравьев женился на француженке Екатерине Николаевне де Ришмон. Произошло это 19 января 1847 года.

Попробуем коротко рассказать о том, куда направлялся Муравьев с молодой женой-француженкой, что его там ожидало, какова была вкратце история этого немыслимо огромного и таинственно-неведомого в Европе края — Сибири и Дальнего Востока. В руках молодого генерал-губернатора оказалась территория, равная по площади многим вместе взятым европейским государствам. Территория малонаселенная, с суровой природой, отдаленная от всякого цивилизованного мира, малоизученная, а подчас и совсем неизвестная страна каторги, тюрем, диких нравов местной администрации, с плохими дорогами и не налаженными сухопутными и речными путями сообщения. К этому добавлялись преступность и полнейшая неясность положения русско-китайской границы на местности. Все эти нелегкие вопросы сразу же встали перед молодым, умным, предприимчивым и изобретательным генерал-губернатором.

Н. Н. Муравьев правильно рассудил, что начинать действовать в таких условиях нужно с подбора людей и с изучения не только рек, гор, суши, но и обширного морского пространства омывающих Дальний Восток морей и океанов. Это неизбежно привело бы к согласованию и окончательному установлению границ с Китаем и Японией, а также к решению многих вопросов, связанных с существованием Русской Америки — географическим регионом, которым управляли Главное Правление Российско-Американской компании и ее уполномоченные в Ситхе. Подступить к ко всем этим делам — и то было страшно, а тут надо было их решать, и решать постоянно...

Что же это были за дела? С незапамятных времен на территории Приамурья и Приморья проживали немногочисленные, независимые племена — дауры, дючеры, гольды, нивхи, орочи, ороичоны, нанайцы, негидальцы, самагиры, эвенки и другие. Многие и сейчас путают самоназвания некоторых народностей с названиями, которые к этим национальностям «прилипли» после прихода сюда русских. Например, нивхи называли пришельцев гиляками, то есть собаками. Не понимая, кого они так именуют, русские постепенно закрепили это слово за самими местными жителями — нивхами. В результате очень долго даже в официальных документах нивхов называли гиляками, позабыв, или попросту не зная историю происхождения такого названия ¹.

То же самое случилось и с широко распространенным названием «тунгус». Так называли русских пришельцев эвенки, жившие на севере Дальнего Востока. Русские же, слыша часто повторяемое слово «дангуз» — тунгус, решили, что эвенки сами себя называют таким словом². Его истинное значение было таким же, как и слова «гиляк». Можно много говорить и о самоназвании коренных камчадалов — ительменов.

Все эти различные и немногочисленные племена занимались охотой и рыболовством, размеряя свои отношения по известным лишь им законам. Пришельцев они встречали приветливо, если те не несли им горя и страданий. Иное к себе отношение они встречали враждебно, защищались, как могли, нередко нападали сами. Постепенно народности, проживавшие к северу от реки Амур, стали все больше и больше тяготеть к Российской империи, чему в немалой степени способствовали походы казаков-землепроходцев и мореходов И. Ю. Москвитина, Ф. Алексеева, С. Дежнева, В. Д. Пояркова, Е. П. Хабарова, О. С. Степанова и других. Народности же, жившие или кочевывавшие южнее Амура, постепенно попали в зависимость от маньчжуров и китайцев, особенно те, которые территориально кочевали или проживали ближе к границам Китайской империи, околтуренной знаменитой Великой Китайской стеной.

Северное Приамурье быстро осваивалось русскими. Там появились русские крепости, селения, зимовья, остроги — такие как, Албазинский, основанный в 1651 году, Ачанский (1652 г.), Кумарский (1654 г.), Косогорский (1655 г.) и прочие. Наряду с уже существовавшим Нерчинским уездом образовалось Албазинское воеводство (уезд). Появились переселенцы, образовавшие деревни-слободы, станицы, такие как Озерная, Покровская, Андриюшкино, Паново и другие. Албазинский уезд, расположившийся на очень плодородных пойменных землях, весьма быстро занял ведущее место в хлебопашестве и в 1670-х годах снабжал зерном все Забайкалье. Хлеба хватало и для продажи в другие районы Восточной Сибири.

Почти одновременно и даже чуть раньше русские люди пришли на Дальний Восток и по другим путям-дорогам Сибири: по рекам на восток к Охотскому морю, и также по рекам — к Северному Ледовитому океану, а вдоль его берегов — до пролива, отделяющего Азию от Америки. Появились русские селения на Лене, Колыме. А после выхода отряда Ю. Москвитина на побережье Охотского моря в районе Ульи и там возникло зимовье Улья. Затем появились Удский острог (1640 г.), Охотский острог-зимовье (1647 г.), Инское селение и Тауйский острог

(1648 г.), Анадырский острог (1649 г.), селения-остроги на Камчатке, сначала камчадалские, затем основанные пришельцами-казаками Атласова и многими другими. Отсюда и из Охотска началось первоначальное освоение Алеутских островов и северо-западного побережья Северной Америки, полуострова Аляска, Прибыловых островов и других земель, вошедших затем в понятие «Русская Америка». В 1799 году там было основано селение и порт Новоархангельск.

Затем, после первого русского заселения внутренних частей Восточной Сибири и ее морского побережья, началась эпоха исследования, изучения открытых, найденных и присоединенных к Российской империи земель, островов, морей. Большой Камчатский наряд, Первая и Вторая Камчатские экспедиции, экспедиции П. К. Креницына — М. Д. Левашова, И. И. Биллингса и Г. А. Сарычева. Во второй половине XVIII века предприимчивые казаки, промышленники, купцы совершили много промышленных плаваний на Алеутские и Курильские острова, к берегам Северной Америки. Стали образовываться купеческие промысловые или промышленные компании, которые, постепенно объединяясь, слились в единую Российско-Американскую компанию, основателем которой считают Григория Ивановича Шелихова, а продолжателем его дела и первым Главным Правителем Российско-Американской компании или Русской Америки (как позднее стали официально именовать русские территории на американском континенте) стал Александр Андреевич Баранов.

С основанием Русской Америки связана и эпоха отечественных кругосветных и полукругосветных плаваний, начавшихся, как уже говорилось, историческим плаванием Ивана Федоровича Крузенштерна и Юрия Федоровича Лисянского на шлюпах «Надежда» и «Нева» в 1803—1806 годах. Русские плавания из Кронштадта (изредка из Черного моря) на Дальний Восток продолжались до появления в дальневосточных водах русских военных эскадр, начало которым было положено плаваниями отдельных военных кораблей, приходивших сюда для защиты русских владений. Внутреннее сообщение осуществлялось Охотской или Сибирской флотилией и судами Российско-Американской компании (до ее продажи в 1867 году за 7 миллионов 200 тысяч долларов правительству Северо-Американских Соединенных Штатов).

Отношения с Китаем в то время были самыми дружелюбными, они регламентировались Нерчинским трактатом, заключенным в Нерчинске в 1689 году. Но на местности граница между странами практически

отсутствовала. Да и сам трактат был составлен в выражениях, позволявших понимать смысл некоторых его статей по-разному. Незнание географической обстановки только увеличивало путаницу. Попытки известного гидрографа Федора Ивановича Соймонова, бывшего в то время Сибирским генерал-губернатором, осуществить сплав по реке Амур, организовав экспедицию, получившую название Нерчинской или Возобновленной Камчатской, в 1753—1757 годах по разным причинам не привели к желаемым результатам.

Фактическое ничейное состояние Приамурья продолжалось до середины XIX века, несмотря на меры, предпринятые Китаем и Россией, особенно после того, когда Англия, Франция и США стали открыто проявлять интерес к овладению Приамурьем, Приморьем, Кореей, островами Хоккайдо и Сахалином, некоторыми районами побережья суверенных территорий России и Китая.

Не надо думать о том, что только Невельской и Баласогло вынашивали мысли и идеи об организации экспедиций в район Амура и Сахалина. Так, примером для них мог служить поход в 1827 году ссыльного Гурия Васильева на лодке от Нерчинска по всему Амуру до устья и по лиману Амура. Он невольно напомнил замечательных предшественников — Хабарова, Пояркова, Степанова, Нагибау — ходивших не только по Амуру, но и через его лиман, выходивших в Охотское море и даже пересекавших его, плававших до устья реки Улья. Ведь именно в этом месте, в устье реки Улья, ныне стоит памятный знак, говорящий о славном походе сюда в 1639 году отряда И. Ю. Москвитина.

Продолжая мысль о попытках организовать экспедицию в эти края, упомяну о проекте вице-адмирала и дипломата Евфимия Васильевича Путятина (1803—1883), который в 1843 году исследовал восточные морские границы с Китаем с привлечением опытных моряков и известных ученых-географов, океанографов, ботаников, зоологов, этнографов. В его проекте предлагалось изучить юго-западную часть Охотского моря, не имевшего не только удобной гавани, но даже и маломальски защищенного рейда, выбрать новое место для Охотского порта, исследовать Сахалин и попытаться установить дипломатические отношения с Японией. К сожалению, усилиями канцлера К. В. Нессельроде и его сторонников этот проект был провален.

Предшественник Н. Н. Муравьева, генерал-губернатор Вильгельм Яковлевич Руперт 7 марта 1846 года (я опускаю описание проектов, разработанных в 1830—1840-х годах тогдашним генерал-губернатором А. С. Лавинским, мореплавателями В. М. Головинным, Ф. П. Литке,

И. Ф. Крузенштерном и другими лицами, отклоненных главным образом по доводам Министерств иностранных дел и финансов), подал царю записку о мерах, которые он предлагает осуществить по улучшению жизни и устройства края. В ней были и такие слова: «Обладание Амуром во всяком случае неизбежно для России и рано или поздно оно должно осуществиться. Амур необходим для восточного края России, как необходимы берега Балтийского моря для западного ее края, необходим, как для расширения наших торговых связей с Китаем и вообще с Востоком, как для решительного утверждения Русского Флота над северными водами Восточного океана, так и для быстрого и правильнейшего развития естественных богатств Восточной Сибири, всего этого огромного пространства земель от верховьев Оби до Восточного океана... Все пространство земли по левому берегу Амура едва населено, и то бродячими семействами дучеров и тунгусов, не принадлежащих ничьей власти»³.

Хотя эту записку подал В. Я. Руперт, но ее содержание явно соответствовало намерениям Главного правления Российско-Американской компании, во главе которой в это время стоял адмирал Фердинанд Петрович Врангель. Можно полагать, что именно он и составил документ, так как поступивший на службу компании по рекомендации Литке в 1840 году штурманский офицер Александр Михайлович Гаврилов, ставший со временем поручиком корпуса флотских штурманов, в 1846 году на бриге «Константин» плывал в лиман Амура, заходил в его устье и описывал юго-западную часть Охотского моря. Но, как отмечал Гаврилов в своем отчете о проделанной работе и в письме к своему родственнику, ему не удалось исполнить поручение — он, будучи ограничен во времени инструкциями Министерства иностранных дел, не сумел «нащупать» фарватеры в северной части лимана, ведущие в устье Амура; южную же часть лимана и пролив-перешеек между Сахалином и материком он вообще не исследовал.

И пошли гулять по всему свету слухи о несудоходности лимана Амура. Результаты незаконченных исследований очень скоро были представлены как невозможность плавания в этом районе вообще — зачем же там плавать, если в Амур зайти нельзя? Это косвенно подтверждало выводы Лаперуза, Браутона и Крузенштерна о невозможности входа в Амур с моря на морских судах и о полуостровном положении Сахалина. И, следовательно, Амур не представлялся руководящим деятелям России важным и необходимым. Вот ведь как случается. Новейшие, проведенные, казалось бы, по последнему слову

техники и на уровне современных по тому времени знаний, исследования, в самом деле оказавшиеся некачественными, недоведенными до конца и в конечном счете глубоко ошибочными, затмили прежние русские плавания по Амуру. Они поставили под сомнение славу русских землепроходцев и мореходов: Пояркова, Хабарова и их сподвижников. И не удивительно, что на докладе Ф. П. Врангеля царь написал резолюцию, запрещающую дальнейшие попытки исследовать юго-западную часть Охотского моря, лиман и устье Амура вкупе с Сахалином. Сахалинский и Амурский вопросы продолжали существовать.

Вот такое историко-географическое наследие досталось новому генерал-губернатору Восточной Сибири. Теперь, когда нам ясно, в какой обстановке приходилось действовать Невельскому, продолжим повествование о нем самом, о его «Байкале», о подготовке к плаванию, о подборе офицеров и команды, о разработке разных инструкций и их утверждении. Произошли изменения и в планах экспедиции. Несколько позднее, но произошли. А сейчас Невельской особенно часто встречался с Баласогло. В деле о петрашевцах фигурирует даже записка Невельского, адресованная Баласогло и извещавшая последнего о том, что к Невельскому должен прийти офицер Генерального штаба Кузьмин, который хотел познакомиться с Баласогло и «переговорить о известном тебе предмете».

Готовился к выезду в Сибирь, в свою резиденцию в Иркутске, и Муравьев. Апартаменты генерал-губернатора располагались в гостинице «Англетер». На столе у него лежали бумаги из Охотска о поисках нового места для Охотского порта, проведенных капитан-лейтенантом Василием Алексеевичем Поплонским на бриге Охотской флотилии «Константин». В частности, В. А. Поплонский рекомендовал для этой цели Тугурский залив, конкретно — Константиновскую гавань, в которой он видел будущий порт России на Тихом океане.

В это самое время генерал-губернатору доложили, что к нему просится на прием капитан-лейтенант Невельской. «Пусть войдет», — сказал генерал. Муравьев увидел очень невзрачного на вид невысокого — даже ниже чем он сам — морского офицера, с лицом, сильно испорченным оспой, с маленькими серыми глазками. Он представился командиром строящегося транспорта «Байкал» и повел разговор о том, чтобы как можно быстрее сократить сроки строительства и погрузки товаров, предназначенных для отправки на Дальний Восток и в Русскую Америку, с тем, чтобы прийти туда как можно раньше, весной. В этом случае летнее время можно будет использовать для того, чтобы

тщательно, без лишних средств и хлопот, исследовать юго-западную часть Охотского моря, Сахалинский залив, лиман и устье Амура с тем, чтобы окончательно решить вопрос, является ли Сахалин островом, или же он все-таки полуостров. А с решением этого вопроса становилось реальным и использование Амура для входа морских судов в его устье с юга и с севера, а следовательно, появлялась возможность установить судоходную связь центра Сибири с Тихим океаном, со всем миром. Маленький, щупленький офицер разворачивал перед генерал-губернатором небывалые перспективы.

Его проекты попали на благодатную почву. Невельской имел основания говорить так пылко и уверенно: прежде чем проситься на аудиенцию к Муравьеву, он через Литке, вероятно не без влияния и великого князя Константина, побывал у начальника Главного морского штаба А. С. Меншикова. Именно у него и решился вопрос о скорейшем строительстве «Байкала». Меншиков написал небольшое письмо-пожелание руководству верфи о том, чтобы ускорить спуск «Байкала», строившегося в Финляндии, на воду к весне 1848 года. Именно это и решило дело. В Гельсингфорс (Хельсинки) отправился назначенный старшим помощником командира корабля — первым лейтенантом — Петр Васильевич Казакевич, которому вменялось в строгую обязанность контролировать сроки строительства и следить за теми изменениями в расположении палубных и трюмных помещений и надстроек, которые внес Невельской при знакомстве с первоначальным проектом, заложенным по типу серии кораблей «Сухум-Кале». Когда же Невельской повел речь об исследованиях, то Меншиков, внимательно выслушав его, посоветовал далее действовать через Муравьева. Именно поэтому тот теперь и выслушивал пылкие речи влюбленного в свои мечты Невельского.

Муравьеву понравился подход командира «Байкала» к делу. Понравилось и то, что он пришел к нему не с идеями, а с конкретным планом работ, для осуществления которых просил помощи, помощи небольшой, но необходимой. Сложность же осуществления предложений Невельского состояла в том, что исследования предстояло проводить в приграничных, неразмежеванных территориях, а это уже требовало согласования, по крайней мере, с Министерством иностранных дел и утверждения инструкции для экспедиции царем. Независимо от всех этих трудностей, Невельской встретил полное взаимопонимание со стороны Муравьева, оказавшегося всего на четыре года старше его самого. Одним словом, единомыслие состоялось.

В беседе с Муравьевым Невельской раскрыл все планы, рассказал и о А. П. Баласогло. На все это Муравьев отвечал одним: надо в срочном порядке добиваться готовности транспорта к выходу, обеспечить его загрузку провиантом, который доставить ранней весной на Камчатку, в Охотск и в Ново-Архангельск в качественном состоянии. Только после исполнения всего этого можно было, заручившись решением, исследовать юго-западную часть Охотского моря. А что касается вновь открытой В. К. Поплонским Константиновской гавани и ее пригодности для устройства там порта вместо Охотска, то Муравьев отвечал в Морское ведомство на лежащие перед ним представления о переносе порта в эту самую гавань, что он, Муравьев, надеется сам побывать в этих местах и решить все вопросы на месте. Невельскому Муравьев обещал свою помощь в том, чтобы внести в инструкцию просимые тем пункты.

Невельской был открыт всем случившимся. Не всегда ему верилось, что мечта, с ранней юности влетевшая в душу, начинает сбываться. Все эти дни он готовит проекты инструкций, кочует между Петербургом, Кронштадтом, Ревелем и Гельсингфорсом. Передав руководителю верфи господину Бергстрему пожелание-приказ М. С. Меншикова, Невельской использовал и другие его распоряжения. Он выговорил себе право выборочно проверять любой из тюков и мешков, и, смотря по результатам проверки, требовать замены всей партии груза. Такая мера очень подействовала: в результате доставленные на Дальний Восток товары, продукты и снаряжение действительно оказались в отличной сохранности и отменного качества.

Когда Невельской узнал об отправлении Муравьева в Иркутск, то вслед ему направил письмо с конкретным изложением своего плана и напоминанием генерал-губернатору о его обещаниях. В частности Невельской писал, «что, судя по ходу работ, надеясь непременно выйти в море в самых первых числах августа, и, при таком раннем выходе, я твердо уверен, что буду иметь возможность идти кругом мыса Горна и потому в самых первых числах мая 1849 года быть в Петропавловском порте, где, чтобы сдать петропавловский и охотский грузы, достаточно было простоять 2 1/2 недели, следовательно, я буду иметь впереди все лето 1849 года, то есть июнь, июль и август месяцы. Это время могло бы быть употреблено с величайшею пользою, а именно — на осмотр и опись юго-восточных берегов Охотского моря, (следует читать — юго-западных. — А. А.) начиная от Тугурской губы и далее к востоку до лимана реки Амур, на исследование и опись

самых устьев этой реки и пространства между островом Сахалин и матерым берегом Азии. Но в настоящем случае вижу, — жалуется Невельской, — что без ходатайства Вашего Превосходительства здесь никто о том и не думает, а без предписания я, сам собой, не посмею действовать. Между тем, случай и время, дорогое время, будут потеряны».

Вот с каким трудом приходилось добиваться исполнения того, что было необходимо для всей страны. Бюрократия в чиновничьем аппарате, боязнь ответственности перед вышестоящими сковывали инициативу, заставляли по сути дела попрошайничать, стучать во все двери, упрашивать самых высоких сановников страны... И это все лишь для того, чтобы доказать им же, всей России полезность Амура для страны, для жизни Сибири и Дальнего Востока. Не ограничившись письмом, часть которого приведена выше, Геннадий Иванович предложил конкретный проект инструкции.

Страстно, жалостно и гневно звучат гордые строки этого исторического письма. «Ваше превосходительство, мне бы гораздо легче было, как доселе предполагается, отвезти груз в Петропавловск и Охотск, сдать судно и преспокойно воротиться, нежели иметь на своей ответственности подобную работу. Но я вполне понимаю, сколь важны для нашего Отечества подобные исследования, священным долгом поставил бы себе представить о всем этом добросовестно и так, как оно действительно есть. Чувствую, что деятельности, знания и способностей моих достанет, а средства и время есть».

Удачным стечением обстоятельств в истории Сибири и Дальнего Востока, а значит и России, стало то, что здесь появились два деятеля с разными дополняющими друг друга возможностями, служившими на пользу всему русскому народу. Муравьев понимал, что Невельской и Баласогло осуществляли в высшей степени полезное дело, которое с другой стороны являлось весьма щепетильным из-за неурегулированного пограничного положения в этом регионе. От него, генерал-губернатора, как тогда говорили, «губернатора пол-России», требовались решительные действия. И он всецело поддержал Невельского.

В Охотский порт Муравьев написал, что изначально проектируемая исходя из исследований В. К. Поплонского, сухопутная дорога из Константиновской гавани в Сибирь не осуществима по своей дороговизне, неизученности территории и большой протяженности в таежных, горных и речных условиях. Это же он сообщил и Меншикову, приписав однако, что «по его мнению, предварительно следовало бы описать подробно и внимательно осмотреть юго-западное побережье

Охотского моря от Тугурского залива до устья Амура». То есть сделать как раз то, о чем было оговорено во время свидания в «Англетере» с Невельским.

Раскрывая далее все карты, Муравьев уже официально уведомляет начальника Главного Морского штаба адмирала А. С. Меншикова о том, что в начале августа сего года отправляется из Кронштадта на Камчатку военный транспорт, и что судно при благополучных условиях может прибыть на Камчатку в мае будущего года. Далее он пишет: «Я приемлю смелость покорнейше просить Вашу Светлость⁴ разрешить мне по сдаче этим транспортом всего груза в Петропавловском порте, употребить его со всем экипажем для описания берегов по моему усмотрению, и инструкции, которая в таком случае будет мною выслана к командиру транспорта в Петропавловский порт».

Это письмо было получено в Петербурге в начале июля, когда подготовка к выходу «Байкала» в море была в полном разгаре. Строители сдержали слово и 10 июля спустили транспорт на воду, а 20 июля «Байкал» уже красовался на Кронштадском рейде, где должно было произойти окончательное экипирование транспорта и экипажа к походу и официальный смотр готовности. Разыгрались страсти и вокруг инструкции Невельскому. По ряду причин одновременные плавание отряда А. П. Баласогло по Амуру и Невельского на «Байкале» к Амуру и Сахалину с тем, чтобы встретившись там, совместно завершить начатые работы, оказались невозможными. Главную роль в этом сыграло начавшееся преследование участников кружка М. В. Петрашевского. Можно предположить, что только уход Невельского в плавание избавил его от неприятностей, как человека общавшегося с членами этого кружка и дружившего с одним из осужденных его участников.

Дальновидный и умный дипломат А. С. Меншиков сообразил, что благодаря энергичному генерал-губернатору Н. Н. Муравьеву и талантливому исполнителю Г. И. Невельскому появился шанс окончательно разрешить так называемый «Амурский вопрос». Именно поэтому он и приказал Невельскому готовить нужный проект и устраивающие всех инструкции. Двое суток Невельской трудился над, может быть, важнейшей бумагой в своей жизни. Несколько поправив ее, Меншиков обещал представить проект на утверждение царю. Уверенность Меншикова в благополучном исходе дела ясно видна из его же письма, посланного Муравьеву в Иркутск. К письму прилагалась копия инструкции, поданной царю для одобрения. 25 августа 1848 года Меншиков писал Муравьеву о том, что он уже «поручил отправляющемуся на

транспорте “Байкал” в Охотск флота капитан-лейтенанту Невельскому, дабы он поспешил прибыть в Петропавловский порт к половине мая будущего 1849 года и, сдав там привезенный груз, отправился незамедлительно к Сегнекинскому мысу для подробного осмотра и описания вновь открытой губы (имеется в виду открытый В. К. Поплонским Константиновский залив или Гавань Константина. — А. А.) и потом для осмотра юго-восточных берегов Охотского моря...» А в восьмом пункте копии приложенной инструкции говорилось: «Вы осмотрите также юго-восточные берега Охотского моря, тщательно проверьте положение тех пунктов, какие из оных были определены или только видимы были прежними мореплавателями, а положение самого берега между каждым из этих пунктов постарайтесь привести в сколь возможно большую соответственно времени ясность и определенность, необходимую для безопасности плавания наших судов по Охотскому морю». Дальше он написал Невельскому о том, что более подробную инструкцию тот получит на Дальнем Востоке от Н. Н. Муравьева, который также передаст ему подлинник документа, утвержденного царем.

Для Невельского наступили горячие дни. Если днями он бегал по Адмиралтейству, распоряжался на транспорте и спорил с интендантами, то вечера проходили во встречах с мореплавателями, в просмотре литературы, особенно касающейся Амура и Сахалина. Невельской долго беседовал с Ф. Ф. Беллинсгаузенем, участвовавшим в плавании Крузенштерна и производившим опись Сахалина. Беллинсгаузен подтвердил выводы своего командира о наличии перешейка между Сахалином и материком. П. Ф. Анжу и Ф. П. Литке рекомендовали Невельского Ф. П. Врангелю.

Тот допустил его к отчетным работам А. М. Гаврилова о плавании на бриге «Константин» в лиман Амура. Карта этого плавания опубликована в атласе Восточной Сибири А. Ф. Кашеварова, а с письмом А. М. Гаврилова о ходе плавания мне удалось ознакомиться благодаря любезной помощи канадского ученого профессора Ричарда Пирса, приславшего ксерокопию этого письма. Из этих материалов явствует, что А. М. Гаврилов хотя и побывал в устье Амура и попытался установить фарватеры в северной части его лимана, но южная часть лимана и район предполагаемого перешейка-пролива остались совершенно, как и Крузенштерном, неисследованными. Кроме того, как следует из карты А. М. Гаврилова, ему не только не удалось установить закономерностей фарватеров, ведущих из устья Амура к северу в Охотское море, но и не удалось нанести точно на карту

обширные и обильные мели амурского лимана. Как я уже говорил, причинами этого стали инструкции, сковывавшие инициативу и действия командира, а также недостаток времени, отведенного для исследований, опять-таки из-за боязни гибели судна и людей в неизвестном мелководном лимане.

Разумеется, Невельской делал выводы из всего этого, сопоставлял, рассчитывал наилучшее погодное время в лимане. Тем временем усилиями матросов, старшин и офицеров транспорт «Байкал» был окончательно, как выражаются в таких случаях моряки, изготовлен к плаванию. Этот небольшой корабль имел водоизмещение 250 тонн, длину 94 фута, ширину 24 фута 7 дюймов и полную осадку 12 футов 9 дюймов. Небольшие размеры и удачно выбранные обводы корпуса обеспечили транспорту хорошую остойчивость.

Команда «Байкала» состояла из 36 старшин и матросов. Кроме них до Камчатки шли 12 мастеровых и двое крепостных — офицерские слуги. Среди офицеров, кроме Невельского и Казакевича, вторым лейтенантом шел Александр Карлович Гревенс, мичманами — Алексей Федорович Гейсмар и Эдуард Васильевич Гроте, штурманами — поручик корпуса флотских штурманов Александр Антонович Халезов и подпоручик корпуса флотских штурманов Лев Александрович Попов. Врачом экспедиции был Владимир Г... (отчество раскрыть не удалось. — *А. А.*) Берг. К офицерам относили и юнкера князя Константина Александровича Ухтомского.

Вот и подошло то время, с которого я начал эту главу — 21 августа 1848 года. После осмотра, напутственного молебна и исполнения русского гимна раздалась команда Невельского: «По местам стоять, с якоря сниматься!». Сразу же с малого Кронштадского рейда небольшой портовый пароходик «Ижора» взял транспорт на буксир и довел его до Толбухина маяка. Ветер был отменный, и ничто не предвещало его быстрого ухудшения. Но уже у Сескара транспорт попал в шторм и Невельской, видя, что беспрестанным лавированием только мучает команду, направился за ту сторону острова, за которой можно было укрыться от ветра. Там «Байкал» отстаивался двое суток.

Дальнейший путь по Балтике также оказался нелегким. На переход к Копенгагену, куда пришлось зайти для стоянки, потратили целых две недели. Невельской был вне себя. Можно сказать, у себя дома потерять столько времени было очень обидно. Поэтому осмотреть достопримечательности толком не удалось, хотя это так хотелось сделать для пользы молодых офицеров и команды. Уже на следующий

день «Байкал» покинул Данию, направляясь по Каттегату и Скагерраку в пролив Ла Манш.

Здесь ветер переменялся, став попутным. «Байкал» показал свои лучшие мореходные качества, как во время шторма, так и теперь, когда он несся по водной стихии с такой большой скоростью, на какую только оказался способен. Вскоре показались белесые меловые берега Англии, вдоль которых транспорт шел некоторое время. Затем прибыли вызванные лоцманы, которые 16 сентября завели «Байкал» в известный морякам всего мира порт Портсмут.

Почти две недели русские моряки провели в Англии. Тут предстояло подготовиться к переходу через Атлантический, а может быть, как задумал пока что про себя Невельской, и без захода в порты Южной Америки — сразу и через Тихий океаны. За время стоянки экипаж переделал уйму всяких дел, осмотрел порт и даже побывал в Лондоне и Гринвиче. А какие дела могли быть у парусника, отправлявшегося в такое дальнее плавание? А вот какие. Во-первых, прием продуктов и свежей воды. Во-вторых, проверка хронометров и закупка других, более современных мореходных инструментов, морских карт, знакомство в Королевском Географическом обществе с новыми пособиями по мореплаванию. В третьих, знакомство с морским музеем в Гринвиче, экскурсии по Лондону. В увольнение Невельской отпускал своих моряков группами по пять человек во главе с унтер-офицером и под присмотром Попова или Ухтомского. Но без происшествий не обошлось.

Побеги с кораблей в заграничных плаваниях происходили часто. В поисках счастья и лучшей жизни матросы всех стран мира, случалось, предпочитали какую-либо страну своей родине. Как правило, затем они разочаровывались в этом, но было уже поздно. Родная земля не принимала изменников, какими бы мотивами они не руководствовались. Среди мастеровых, следовавших до Камчатки, был некто Александр Яковлев, который, зайдя в лавку, располагавшуюся неподалеку от стоянки «Байкала», якобы купить платок, оттуда уже не вышел. Об случившемся дали знать Невельскому. Он объявил по городу розыск, обещал награду тому, кто сообщит о беглеце. Искала сбегавшего и полиция, но безуспешно. Видимо, загаился где-то крепостной ремесленник, затем, чтобы выждав, когда «Байкал» уйдет, объявиться где-нибудь или устроиться на иностранный парусник.

В самом конце сентября, когда все дела вроде были переделаны, «Байкал» снова встал под паруса при попутном ветре. Привыкшие к

транспорту и отдохнувшие матросы выглядели весело и бодро. Равномерно и привычно менялись вахты, велись метеорологические и гидрологические наблюдения и измерения земного магнетизма, или как тогда говорили, «производились наблюдения за наклоном и склонением магнитной стрелки». Матросы проветривали белье, сушили кубрики и каюты. В свободное время они жарились под палящим солнцем, обливались океанской водой, готовились к обряду пересечения экватора — старинной морской традиции.

По отзывам моряков, по письмам офицеров, которые мне доводилось читать — они сохранились в Центральном государственном архиве Военно-Морского флота и у родственников некоторых из участников плавания, — все благоприятствовало морякам. Петр Васильевич Казакевич, например, в тропическом небе и живописных облаках видел картины, подобные кисти Рафаэля и Брюллова, а в один из дней он узнал картину, изображавшую последний день Помпеи. «Так ярко закатывалось солнце, небо горело, между тем как темные тучи, как дым расстилались в вершине неба... Море чистый изумруд, прозрачность удивительная...» Часто моряков сопровождали игрившие на поверхности воды киты.

Когда пришло время пересекать экватор, а это случилось 30 октября, Невельскому пришлось держать ответ перед грозным морским царем Нептуном, соблюдая все присущие этому дню ритуалы. К этому событию готовились задолго, а за две недели до него роли главных действующих лиц уже были разучены и тщательно повторялись и отработывались. Снова предоставим слово П. В. Казакевичу: «Вот является Нептун в полном облачении, Амфитрида в фантастическом костюме, нимфы, тритон и весь причет, из коих главный есть циркульник Нептунов. Комедия началась опросом у капитана, откуда идет и куда, и зачем его сон потревожили и потом предложением выстричься и вымыться всем нам в соленой воде. Но мы откупились ведром рома (конечно, каждый), а матроз каждого намазывали лицо черным и купали в воде. Матрозы были очень веселы этим праздником. Каждый старался друг друга больше выпачкать». День закончился праздничным обедом с добавочными порциями рома, плясками и песнями. Долго потом вспоминали матросы об этом светлом дне.

Курс лежал на Бразилию, в Рио де Жанейро, где решено было исправить кое-какие повреждения и запастись свежей провизией и водой перед тем как огибать Южную Америку. Во второй половине дня 15 ноября, сделав салют наций — 21 выстрел и получив в ответ столько

же залпов с берега, «Байкал» встал на якорь в самом живописном месте глубокой и красивой бухты. Так им тогда всем показалось. Но чуть позднее они разобрались в том, что все здесь вовсе не так, как в Европе, пока все кажется прекрасным, да еще после однообразного полуторамесячного морского перехода.

Стоянку прежде всего использовали для чистки обросшей раковинами подводной части судна, конопатки бортов, покраски и другого мелкого ремонта. Многие русские матросы воспринимали чернокожих мужчин и женщин с некоей долей страха — они попросту шаркались от них в сторону, как от нечистой силы. Но потом попривыкли, осматривая город, адмиралтейство, монастырь, гуляя по роскошному парку, взбираясь на горы в окрестностях Рио-де-Жанейро. На этой стоянке обошлось без приключений и побегов, да и офицеры приняли надлежащие к тому меры. Невельской послал отсюда официальные рапорты о плавании и о своих планах, а также как и все — почту родным и знакомым. Мне довелось читать его письмо к Ф. П. Литке, которому Невельской обязан очень многим в своей жизни. Ему Невельской отправил особый отчет и карту плавания.

Две недели пролетели быстро, больше оставаться в порту было нельзя, так как транспорт мог опоздать к намеченному сроку прибыть в Камчатку. Ранним утром 1 декабря при попутном ветре «Байкал» покинул гостеприимный город и отправился вдоль побережья к мысу Горн — южной оконечности Южной Америки. Было очень неудобно оттого, что стоял полный штиль. Это всегда считалось морякам плохим признаком — каждый день погода могла превратиться в штормовую. И точно: вдруг все изменилось, кругом ходили высоченные водяные горы — началось подлинное столпотворение. Качка была беспощадной, западные ветры развели такую волну, что вода перекатывалась по палубе, увлекая за собой все, что было плохо закреплено, и что, как говорят, плохо лежало, в том числе и рваные снасти, паруса. Транспорт вступил в зону печально известных сороковых широт.

«Ни в одном путешествии не встречается такого неудачного и беспоконного плавания, как мы вытерпели на нашем переходе», — писал Казакевич. Все вспоминали добрыми словами строителей из Финляндии, построивших их «Байкал» таким мореходным и остойчивым. Ветер вместе с качкой принес прохладу — недалеко была Антарктида, затем пошли дожди, стало пасмурно, в каютах и в кубрике появилась сырость. Это особенно почувствовалось после того, как 10 января 1849 года транспорт пересек меридиан мыса Горн и стал посте-

пенно выходить из ревуших и стонущих ветров. Стало чаще наступать безветрие, снова появились киты и альбатросы. Постепенно все дальше и дальше моряки уходили от злополучного мыса Горн и убежали под защиту южно-американского побережья. Становилось теплее, можно было снова проветривать помещения, сушить ставшее влажным обмундирование. А затем вновь наступила полоса безветрия, позже сменившаяся противными ветрами, затруднявшими переход.

Подходил к концу второй месяц бесперывного плавания — все устали и нуждались в отдыхе. Невельской взял курс к земле. 25 января 1849 года открылся чилийский берег, а 2 февраля «Байкал» встал на якорь по другую сторону Южной Америки, в порту Вальпараисо. «После шестидневного перехода встать на якорь есть величайшее наслаждение, несмотря на дурную погоду», — так признавался Казакевич брату. А Казакевича уж никак нельзя заподозрить в антипатиях к морю. Невельской зашел сюда явно по необходимости. Но все, что он смог позволить экипажу, — это лишь четверо суток отдыха. Ему во что бы то ни стало нужно было привести «Байкал» в Петропавловск как можно раньше, а впереди расстилался еще почти весь Тихий океан. Правда, он рассчитывал, что при благоприятном стечении обстоятельств можно будет дать более продолжительный отдых морякам на Сандвичевых островах — так раньше назывались Гавайи. Приходить на Камчатку слишком рано, когда там еще лежит лед и снег, было бесполезно. Знал Невельской и о том, что в это время года в экваториальной части Тихого океана обычно дуют пассаты, хотя и замедляющие движение, но позволяющие команде на ходу отдыхать и заниматься личными делами.

Невельской рассчитал все правильно, его прогнозы полностью оправдались. «Байкал» еле-еле двигался, течениями его дважды перетаскивало через экватор, холодные дни и ночи сменялись теплыми, с ласковым приятным легким ветром. И так длилось почти два месяца. Вся работа на транспорте была переделана — «Байкал» сверкал всеми цветами свежей покраски, посвежели матросы, поправились больные, обедали на палубе, много и хорошо отдыхали. Когда транспорт пришел на рейд Гонолулу, то выглядел так, как будто прибыл на смотровое учение. Это случилось 31 марта 1849 года.

На рейде к великой радости увидели транспорт Российско-Американской компании «Иртыш» под командой капитан-лейтенанта А. О. Рудакова, хорошего и старого знакомого Невельского. Пасхальная неделя, на которую как раз попали в Гонолулу русские моряки,

прошла как один день. Они вместе гуляли, бродили по базару, любовались тропическими красотоми. Превосходный климат, гостеприимные люди, живописная природа острова — все это располагало к отдыху. Невельской и Рудаков с офицерами нанесли визит королю Камеаеа, с которым Главное Правление Российско-Американской компании поддерживало дружеские отношения еще со времен А. А. Баранова.

Но даже и из такого райского уголка земли, каким являются Гавайские острова, морякам приходится когда-нибудь уходить. Наступило такое время и для экипажа «Байкала». Невельской отдал приказ идти на север, в далекую Камчатку. Он рассчитывал на длительное плавание, но попутный ветер, сопровождавший транспорт почти все время пути, изменил эти планы. Изредка налетали шквалистые ветры, иногда шел дождь, начались пасмурные дни и ночи, с каждым днем становилось холоднее: чувствовалось дыхание севера.

А вскоре моряки увидели снежные вершины Камчатки. И хотя суровая картина предстала их глазам, на душе у каждого из них потеплело: транспорт подходил к окраине России. Из-за сильного снегопада транспорт сразу не смог войти в Авачинскую губу. Сутки он выжидал перед воротами, и только 12 апреля 1849 года «Байкал» встал на якорь в Петропавловской гавани. Такого раннего прихода судна старожилы не припоминали⁵. Да и в самом деле, за всю историю кругосветных плаваний только В. М. Головнину на шлюпе «Камчатка» удалось пройти этот долгий путь на две недели быстрее. Но зато и скорость «Камчатки» была больше, чем ход «Байкала» на 2,5 узла (на 4,6 км в час). В общей сложности Невельской позволил транспорту стоять в портах всего 33 дня. Все остальное время «Байкал» упрямо шел к цели, находясь под парусами. В результате огромное расстояние было пройдено за 8 месяцев и 23 дня. Головнину удалось сделать это за 8 месяцев и 8 дней.

Столь ранних гостей радостно встречали жители Петропавловска во главе с начальником Камчатки капитаном 1-го ранга Ростиславом Григорьевичем Машиным. Распорядившись насчет отдыха команды и разгрузки транспорта, Невельской сошел на берег. Прочитанные депеши и письма наводили на размышления, которые необходимо было сразу же согласовать с Машиным. Тот, кстати, сказал, что получил предписание Муравьева всячески содействовать быстрейшему выходу «Байкала» из Петропавловского порта для исполнения данного ему поручения.

Невельской поделился с Машиным полученными известиями и распоряжениями генерал-губернатора. Невельской отлично исполнил первую часть инструкции, данной ему Меншиковым, подтвержденной

и развитой Муравьевым. Теперь предстояло выполнить вторую, основную ее часть, воплотив тем самым мечту своей юности и всей жизни. Из писем Муравьева Невельской узнал, что после отправления «Байкала» в плавание в Петербурге произошли события, говорящие о том, что Меншиков и Муравьев вели линию на исследование Амура в том направлении, которое первоначально было выработано им, Невельским.

В частности, выяснилось, что 29 января 1849 года, когда «Байкал» находился у берегов Чили, в Петербурге указом царя был образован особый комитет, поводом к созданию которого и послужили вышеприведенные обстоятельства. Комитет рассмотрел программу действий и обсудил инструкцию Невельскому, которую Меншиков представил царю на утверждение. Копия же ее посылалась Муравьевым Невельскому и теперь находилась у него, в Петропавловске, на «Байкале». Согласно ей, Невельскому поручалось из Петропавловска идти к северной части острова Сахалин, описать эту часть, определить, имеется ли с севера вход в лиман Амура. Если есть, то войти туда, произвести исследования как в самом лимане, так и в устье реки и в южной части лимана, где точно определить: имеется ли там пролив, позволяющий входить в лиман и устье Амура морским судам, или же там расположена недоступная для них осушающая отмель, годная для плавания только в приливные часы лишь на мелкосидящих судах. А возможно, что там вообще нет никакого пролива, а Сахалин соединен с материком перешейком. Ведь самые большие авторитеты — Лаперуз, Браунтон и Крузенштерн — говорили именно так! И все это предстояло отныне выяснить ему, Геннадию Невельскому.

Разъяснение решения Особого комитета находилось в письменной инструкции Муравьева, датированном 12 ноября 1848 года. В нем ясно говорилось, что если «Байкал» придет в Петропавловск в половине мая и при благоприятных обстоятельствах выйдет оттуда в конце месяца или не позднее 1 июня, «то для описания берегов Охотского моря будете иметь с лишком три месяца: июнь, июль, август и часть сентября, ибо прибытие Ваше в Охотск необходимо только к 10 сентября. Остается только так распределить Ваше плавание по Охотскому морю, чтобы время это употребить с наибольшею пользою и успехом». Муравьев просил наиболее подробно описать северную часть Сахалина, лиман и устье Амура и «пролива отделяющего этот остров от материка». Муравьев уверенно написал слово «пролив», так как был совершенно в этом убежден.

Невельской оценил создавшуюся обстановку правильно и сразу. С одной стороны, у него не было утвержденной царем инструкции, то есть фактически не имелось разрешения на проведение исследований. С другой же стороны, он располагал официальным предписанием непосредственного и весьма высокого начальника — генерал-губернатора Восточной Сибири и его заверением, что он надеется сам доставить ему инструкцию в Аян или Петропавловск во время своего путешествия по Дальнему Востоку, которое планировал и осуществил. Главной целью путешествия генерал-губернатора являлось участие в мероприятиях, проводимых в лимане Амура, а также решение вопроса о переносе Охотского порта в другое место. Среди последних назывались залив Аян и Петропавловская гавань.

В Петропавловске к приходу Невельского Муравьева не оказалось. Можно было направить «Байкал» ему навстречу в Охотск или в Аян. Но и в этом случае вероятность встретить Муравьева была невелика, время же можно было потерять, а с ним и саму мечту, ставшую отныне реальностью. Поэтому Невельской решил идти к Сахалину. Риск был достаточно велик: всякие исследования в пограничном районе могли вестись только с разрешения царя, а Невельской инструкции, утвержденной им, пока не имел. Имевшаяся копия оставалась лишь копией — царь мог ее не утвердить, мог что-то исправить...

Стремясь оправдать свои, в общем-то, незаконные действия, Невельской правильно доложил Меншикову и Муравьеву, что, несмотря на отсутствие официальной, утвержденной царем инструкции, он отправляется исполнять их распоряжения в соответствии с имеющимися у него указаниями и инструкциями. Меншикову он, например, доложил совершенно определенно: «Вследствие данных мне Вашею Светлостью инструкций и предписаний, полученных мною здесь от военного генерал-губернатора Восточной Сибири, весь имеющийся у меня Адмиралтейский груз здал в ведение начальника Камчатки. Ко 2-му числу июня буду совершенно готов к следованию для исполнения возложенных на меня поручений». Затем он просил наградить отличившихся во время перехода матросов, особо хвалил офицеров — лейтенантов Казакевича и Гейсмара, а также штурмана Халезова.

Поскольку с Машинным была договоренность о том, что все грузы должны были остаться в Петропавловске, откуда позднее другими судами их намеревались переправить в Охотский порт и в Русскую Америку в Ново-Архангельск, то команда действительно справилась с разгрузкой «Байкала», успела кое-что привести в порядок и даже отдох-

нуть. Надо сказать, что во избежание недоразумений истинная цель плавания не доводилась до сведения личного состава. Даже не все офицеры знали в деталях о стоявшей перед ними задаче. Поэтому перед выходом в море Невельской считал нужным довести до сведения всех офицеров полный текст инструкции, призвал их к содействию выполнения возложенных на «Байкал» обязанностей и к неразглашению этих сведений.

Сам Невельской в своей книге «Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России» привел если и не подлинный текст, то, по крайней мере, изложил суть инструкции. В соответствии с ней, ему следовало:

— из Петропавловска идти к северной части Сахалина, где осмотреть, нет ли здесь закрытой гавани или хорошего рейда;

— определить с севера вход в лиман Амура и обследовать северную часть лимана, особенно между мысами Ромберга и Головачева;

— обследовать устье реки Амур, состояние входа на некотором протяжении, поискать место для защиты устья в этом районе;

— описать берега Амура и лимана в географическом и статистическом отношениях;

— исследовать берег Охотского моря и Константиновского залива и привести эти места в ясность и определенность, необходимую для безопасного плавания судов в Охотском море.

— определить состояние южной части лимана: выяснить, справедливо ли убеждение, что Сахалин полуостров; если это убеждение ошибочно, то исследовать пролив, отделяющий Сахалин от материка, а также исследовать, нет ли тут места, удобного для защиты входа в лиман с юга.

Исследования в Амуре и в лимане надлежало производить с гребных судов, поставив «Байкал» на якорь при входе в лиман, где-либо в видимости мыса Головачева. Незвестность, ничейность и неизученность этих мест заставляли составителей инструкции напомнить Невельскому о том, чтобы он и его офицеры во время своих исследований в назначенных местах воздерживались бы от поднятия русского военно-морского или морского торгового (как раньше говорили — коммерческого) флага. А затем, если все завершится успешно, то в сентябре командиру следовало сдать транспорт в Охотске местным властям, а оттуда офицерам возвращаться в Петербург через Сибирь ⁶.

В той или иной форме с некоторыми уточнениями положения царской инструкции повторялись и в предписании Н. Н. Муравьева, которое прилагалось к его частному письму для Невельского. В частности,

в нем говорилось: «Из берегов Охотского моря наиболее необходимо подробное описание: 1. Северной части острова Сахалин с восточной и западной стороны; 2. Пролива, отделяющего этот остров от материка; 3. Лимана и устья реки Амур и 4. Сегнекинской губы. Главное, чтобы в конце будущего же 1849 года я смог получить от Вас сведения о северной части Сахалина, а также описания пролива, Амурского лимана и устья этой реки»⁷.

Хотя «Байкал» начали готовить к выходу 31 мая, но отправиться в дальнейшее плавание удалось лишь спустя несколько суток: был болен матрос Федор Анучин, а также ждали прибытия двух байдарок с алеутами, которых решили взять в лиман для исследовательских работ вблизи берегов и на отмелях. Транспорт ушел из Петропавловской гавани 2 июня. Море встретило его безветрием, судно еле-еле плелось вдоль камчатских берегов, далеко не отрываясь от них, но и не подходя близко — находясь в пределах безопасной воды. Лишь 7 июня «Байкалу» удалось пройти Четвертым Курильским проливом в Охотское море. Отсюда Невельской, следуя указаниям и рассказам Крузенштерна, проложил курс к отмеченному на карте Крузенштерна месту, где тот встретил сильный бурун у берега, похожий на сулой, на основании чего и предположил, что в этом месте Сахалина возможно искать устье Амура или одну из его проток. Это место находилось примерно в широте 51°40' у восточного берега острова.

На сей раз погода благоприятствовала переходу — видимо, родные края помогали, — и уже через четверо суток, 11 июня в 18 часов «Байкал», согласно солнечному определению, находился в 35 милях от места. Наступала темнота, и лучше всего было встать на якорь, чтобы дожидаться утра — так и сделали. Ночью вахтенный матрос слышал в направлении берега шум, о чем немедленно доложил вахтенному офицеру, а тот, разумеется, — Невельскому. В результате в шанечном журнале транспорта появилась запись о том, что, «услышав шум буруна, поворотили от него на запад и отошли мили на четыре, на всякий случай, и стали ожидать рассвета».

С рассветом во всей своей красе морякам открылся заснеженный обрывистый берег. С «Байкала», подошедшего мили на три ближе, в расщелине берега увидели залив, в котором было много китов и грозно шумел бурун. Спустили байдарки и «пошли с описью». Однако уже через два часа посланный на байдарках офицер возвратился, сказав, что из-за бурунов невозможно подойти близко к берегу и тем более идти в залив.

Невельской приказал спустить на воду четверку и вельбот, на которых отправились Казакевич, Гейсмар, Гроте и Попов с матросами. На всякий случай с собой они прихватили оружие. Им следовало выяснить — нет ли прохода между бурунами к видневшейся вдаль за ними воде. Транспорт находился в районе современного Луньского залива. Вельбот решили направить прямо на запад к берегу, а четверку — несколько южнее, по другую сторону бурунов. Лодочки подошли к берегу почти одновременно, и матросы быстро вытащили сюда легкие, приплясывающие на волнах суденышки.

Еще на подходе шлюпок к берегу с них хорошо были видны люди, спокойно ожидавшие пришельцев. Затем трое из них двинулись навстречу и помогли вытащить лодки на берег, потом подошли остальные. Это были местные жители из селения Даги, расположенного на среднем из трех протянувшихся там островов в заливе того же названия. Моряки одарили их сувенирами, среди которых особым вниманием пользовались огниво, крично и табак. Женщинам дары также пришлось по вкусу. Русские моряки объяснялись с аборигенами знаками и телодвижениями, чертили рисунки на песке. Это получилось, друг друга они поняли!

Гроте и Казакевич пришли к единодушному мнению о том, что какая-либо протока Амура в этом месте к морю не выходит и что они находятся на берегу острова, ближайшему к Амуру, а в недалекой близости течет река. Чуть позднее стало ясно, что это река Тымь (Тыми или Тымы). Местные жители были одеты в кухлянки и торбаса, сделанные из тюленьих шкур. Сейчас на месте высадки моряков «Байкала» установлен памятный знак, на котором написано: «В честь первой высадки экспедиции Г. И. Невельского 1849 года. От курсантов, преподавателей и сотрудников ДВВИМУ им. адмирала Г. И. Невельского».

Офицеры провели астрономические наблюдения, в результате которых они обнаружили ошибку Крузенштерна в определении долготы этого места: если следовать карте Крузенштерна, то в данной долготе «Байкал» должен был стоять в 19 милях от берега, а в действительности он находился почти у самой его кромки.

После возвращения на корабль все эти сведения тщательно изучили, а Невельской на следующее утро отправил на байдарке подпоручика Попова с целью определить, что же все-таки представляет собой видимая с корабля вдаль от берега острова Сахалина вода. Попов прекрасно разобрался в этой загадке, доложив, что это не что иное, как шхеры, образовавшиеся в результате совместного

действия ветра, приливных и отливных течений, выносов грунта из рек и речушек с берега острова Сахалин к морю. Более всего шхеры возникают в узких местах — проходах, в заливах, лагунах, образуя в таких случаях длинные песчаные, иногда состоящие из нескольких островов, косы или кошки с мелководными изменяющимися проходами. На одном из таких островов и располагалось селение Даги. Тюлени и птицы в шхерах встречались на каждом шагу. В общем, Попов подтвердил первоначальные предположения, но ему, к сожалению, не удалось встретиться с жителями, которые ушли из селения по каким-то своим делам.

Но зато Невельской усмотрел с салинга, что в то самое время, когда Попов уходил из поселка, туда с другого берега возвращались его жители. Поэтому он распорядился послать на берег мичмана Гроте, который был обязан описать его, положив на план. Взяв с собой вельбот с шестью матросами и байдарку с тремя алеутами, Гроте двинулся к селению, состоявшему из нескольких юрт-шалашей. Видя, что жители вооружены, мичман распорядился приготовить оружие. Но как раз в этот момент вельбот попал на мель, и аборигены, побросав свое оружие на песок, подбежали к берегу и стали показывать, что именно тут можно безопасно высадиться.

Гроте вышел на берег один и без оружия. Когда он протянул первому встретившему его жителю обе руки для пожатия, тот — старый человек — не удовлетворился рукопожатием, а трижды обнял мичмана, и трижды прикоснулся к его щекам. Мир установился сразу, и никакое оружие не потребовалось. Началось вручение подарков — вновь преимущественно кремней и огнив, а некоторым аборигенам досталось и по пачке табака.

Гроте, сопровождаемый тремя матросами и алеутами, вместе с жителями пошел осматривать их жилища. Одновременно завязался разговор о том, как жители сами себя называют, как они зовут селение и всю свою землю. Оказалось, что сахалинцы называют свой остров Чоко (вспомним, что точно также они называли себя и Лаперузу), что они слышали от соседей о матцмайцах. Они никак не реагировали, а в лучшем случае смеялись над тем, когда Гроте показывал им карту Сахалина и настойчиво выспрашивал у них всевозможными способами — соединяется ли он где-нибудь с материком, а также где Амур вливается в море. Выменяв у сахалинцев лук и стрелы, и убедившись в том, что они знают железо и знакомы с пришельцами, Гроте возвратился на «Байкал».

Некоторое время Невельской продолжал удерживать «Байкал» возле этого места, названного Шхерами Благополучия. Местные жители подходили к борту транспорта на долбленых однодеревках, действуя веслами, выполненными в виде лопаток, держащихся на лодке с помощью дыры и штырька — своеобразной уключины. Они обменивались с русскими всякими штуковинами, но на борт подниматься ни за что не хотели. Возможно, они помнили случай, когда кого-то из их соплеменников увезли в плен приходившие к берегу Сахалина пираты — иначе таких мореплавателей не назовешь.

Невельскому стало ясно, что в данном месте Сахалина искать устья Амура или какой-то его протоки бессмысленно, и он направил «Байкал» в северном направлении, придерживаясь берега. Вскоре с транспорта заметили лагуну. Посланная туда шлюпка вскоре привезла весть о том, что глубина позволяет «Байкалу» идти к берегу. Кроме того, от офицера, посылавшегося к берегу, стало известно, что вода в лагуне и вблизи нее отличается по цвету от морской. Невельской взял курс на мыс, у которого начиналась лагуна, но наступающая темнота заставила его лечь в дрейф, отложив, таким образом, все дело до утра, до рассвета.

Утром выяснилось, что за лагуной и кошкой просматриваются какие-то водные поверхности, похожие на озера, между которыми располагаются высоты, прозванные моряками «Черными буграми». Близко к берегу и к лагуне подойти не удалось, так как все пространство до них было забито льдом. Его успел разглядеть Гейсмар, посланный на берег. Вскоре он вернулся на транспорт, услышав выстрел из пушки: Невельской, не забывая о военном назначении корабля, напомнил об этом и всем морякам объявлением артиллерийских учений.

После стрельб команде было дано свободное время. Офицеры обдумывали создавшееся положение и все больше убеждались в том, что в этом месте Сахалина Амур не впадает в Тихий океан, что надо продолжать исследования, тщательно осматривая каждую бухту, залив, лагуну, каждую водную гладь, которую увидят с мостика. Вокруг транспорта веселились сивучи и тюлени. Матросы с переменным успехом на большой глубине пытались проявить свое искусство в рыбной ловле.

Мне посчастливилось найти отчетную карту плавания транспорта «Байкал» к берегам Сахалина и вокруг него. Глядя на нее, ясно представляется, что транспорт не оставял без внимания ни одного изгиба берега. Это же подтверждают вахтенный журнал и записи, которые вел старший помощник командира Петр Васильевич Казакевич.

Выходило так, что шхеры, тянувшиеся вдоль берега, и иногда прерывавшиеся в местах выступов мысов, образовались не столько в результате выноса песка береговыми речками и ручьями, сколько приливно-отливными течениями. И, несмотря на такое убеждение, Невельской в каждом случае, когда замечались углубления в береге, направлял туда офицера на шлюпке — так было 15 и 16 июня. Офицеры работали непрерывно, с рвением, надежно.

17 июня подошли к северной оконечности Сахалина — мысу Елизаветы. Здесь, как и в других местах острова, с мостика и с салинга сразу за береговой чертой заметили полосу воды, как будто бы не соединенную с морем, то есть озеро. Это открытие не оставили без внимания. Расположение озера определили по пеленгам мысов Марии и Елизаветы, точно нашли свое место, к которому подошли раньше, надеясь на этот раз на удачу.

В шестом часу утра от «Байкала» отошла шлюпка с мичманом Гроде. Место на берегу, куда она подошла, Гроде точно определил по пеленгам тех же мысов. Слева виднелись горы, покрытые снегом и спускавшиеся почти до самого моря, а справа — повсюду кучи выкидного плавника. Озеро должно было располагаться где-то выше, в горах. У шлюпки остался часовой, а Гроде с остальными матросами направился к озеру. С «Байкала» оно казалось лежащим совсем рядом, у берега, а тут до него пришлось шагать целую версту, минуя небольшие пресные озерки. Местность, поросшая луговой растительностью, выглядела заболоченной.

По пути моряки встретили заброшенную деревушку, состоявшую из нескольких хижин-юрт. По всей видимости, это был летник — место, где аборигены летом ловили рыбу. Повсюду летало много водоплавающих птиц, попадались белые и черные журавли — тогда они еще не были занесены в Красную книгу, да и книги-то такой не существовало. Вокруг рос кедровник, встречались тонкоствольная береза, лиственница, рябина. В отчете Гроде с удивлением упоминает и то, что им попадались полевой горох. Моряки по дороге срывали черемшу, клюкву, бруснику, морошку, сарану.

Озеро оказалось пресным и довольно большим — верст пять в длину и около трех в ширину. Глубину и грунт в его центре узнать не удалось, а вот берега оказались илистыми, местами песчаными. Именно поэтому так богат и разнообразен был растительный и животный мир вокруг водоема. Пресная вода заполняла все низины на гористой возвышенности; морская же вода добраться туда не могла.

Спустившись к шлюпке, Гроте пошел на ней дальше вдоль берега, правя на видневшийся мысок. На нем оказалась обгоревшая юрта, место вокруг нее говорило о том, что тут недавно был пожар. Вдруг неожиданно недалеко показалось четверо людей. Один из них, вышедший вперед, стал размахивать руками и шкурами зверей, давая знать, что ничего плохого морякам они сделать не хотят. Те отвечали такими же приветственными жестами.

Когда местные жители подошли, то стало видно, что их одежды были сшиты из собачьих шкур, а ноги обуты в сапоги из козьей и рыбьей кожи. На одном аборигене выделялся красный ватник. Они увлеченно переговаривались между собой, осматривая шлюпку. Знаками показали, что остались довольны и пригласили моряков к себе в деревню. Гроте был весьма рад такому случаю. Около версты шлюпка с моряками и местными жителями шла вдоль самого берега до места, где в море впадал небольшой, но красивый ручей с прохладной пресной, очень вкусной, похожей на ключевую, водой.

Пошли в гору, совсем скоро оказались у озера размерами две на две версты, наполненного до самых краев пресной водой. Казалось, что если ветер чуть-чуть усилится, то вода моментально выйдет из его берегов. Пройдя по берегу, моряки вышли на ровную поляну, на краю которой виднелось селение. Сопровождавшие их жители остановились и дали знать, что дальше им идти нельзя. Любоваться жилищем можно лишь издали. Тогда Гроте, распорядившись матросам оставаться на месте, сам решительно направился к деревне. Ему очень хотелось посмотреть, как устроены жилища, как и чем питаются люди, какие орудия есть у них для рыбной ловли, чем они охотятся. Ему не терпелось как можно больше разузнать о самом Сахалине, о лимане, об Амуре. Ведь за всем этим сюда и пришли русские моряки, пришли за тем, чтобы совершить открытия и чтобы ими подтвердить забытое...

Офицера никто не остановил, но, войдя в первую же юрту, он понял, что все обитатели только что ее покинули. Так повторялось в каждом жилище. Гроте видел в них запасы шкур тюленей и медведей, на полу валялись топоры, на сучьях висели деревянные ружья с железными замками и длинными курками. Женщины и дети, предупрежденные мужчинами, спрятались поблизости от деревни. Видимо, какие-то наглые китобои недавно побывали тут и напакостили. Но мужчины не отказывались от разговоров, конечно, знаками и жестами. Так удалось собрать очень много ценной информации, которую Гроте с радостью сообщил Невельскому после возвращения на транспорт.

Геннадий Иванович заканчивал первую часть программы своих исследований — описание северной части Сахалина и его картографирование. Ему оставалось провести астрономические наблюдения на берегу. Они оказались точными и подтвердили, что и наблюдения на восточном берегу Сахалина были такими же. Кроме того, по широте они совпадали с определениями И. Ф. Крузенштерна и Ф. Ф. Беллингаузена. А это подавало определенные надежды и придавало уверенность в точности наблюдений, а, следовательно, и в правильности картографирования. Берег на всем описанном пространстве оказался крутым, гористым, без больших пологих пляжей. Но зато моряки не нашли здесь и ни одной приличной якорной стоянки.

По-прежнему придерживаясь общего направления береговой черты, Невельской после мыса Марии направил «Байкал» на юг, к тому месту, где на карте А. М. Гаврилова был обозначен залив Обмана, названный им так потому, что он ошибочно принял его за устье Амура. И действительно, ошибиться было нетрудно, так как с юга постоянно наблюдалось сильное встречное течение, а по прошествии нескольких часов впереди явственно обозначился пролив. Невельской уже знал, что это и есть вход в пресловутый залив Обмана, но ведь Гаврилов-то этого в свое время не знал. Он долго искал выход из залива и в результате потерял уйму времени, которое можно было использовать для дальнейших работ в лимане Амура.

Невельской учел этот опыт. Он поставил «Байкал» на якорь на большой глубине, так как перед этим транспорт садился на мель и с большим трудом с нее стянулся. Командир послал две шлюпки с Гревенсом и Поповым во главе. Им было приказано подробно описать залив и картографировать его. Не станем останавливаться на их работе. Скажем лишь, что каждый успешно исполнил то, что было ему предписано: Гревенс осмотрел и описал берега, а Попов подробно картографировал залив, который отныне по справедливости называется заливом Байкал — в честь транспорта, на котором совершалось это историческое плавание.

Впереди предстояло самое трудное дело. Дул сильный ветер, внезапно сменившийся туманом, который быстро затянул мглой видимый кусочек берега с гористыми вершинами. Геннадий Иванович маневрировал судном, ложась с одного курса на другой. Лавируя на виду мыса Головачева, транспорт сел на мель. Но чем больше появлялось трудностей, тем спокойнее становился Невельской. И сейчас самообладание не покинуло его. «Байкалу» удалось без повреждений сойти с мели, уйти на глубину и встать на якорь в ожидании улучшения погоды.

Между тем наблюдения привели к радостному выводу. Изменившийся цвет воды, ее уменьшившаяся соленость и сильное течение, идущее с юга, — все это однозначно говорило о том, что где-то поблизости находится устье великого Амура, к которому Невельской стремился всю свою жизнь. На пороге открытия стоял его «Байкал» и находился он сам. А «Байкал» и в самом деле стоял — на якоре. Невельскому ничего не оставалось делать, как послать по направлению мыса Головачева шлюпки для разведки. Гейсмар и Гревенс, возвратившись, рассказали, что определили недалеко от этого мыса отмель, осыхающую во время отлива, и закрывающую вход в лиман. По их докладам выходило, что под берегом Сахалина в лиман войти невозможно. А значит, надо искать вход в другом месте — потихоньку, с промерами идти к противоположному берегу, к материку.

Отдав необходимые распоряжения, предусматривавшие, кажется, любой непредвиденный случай, Невельской приказал сниматься с якоря и, осторожно лавируя, идти по направлению горы Меншикова. Шли не рискуя, часто определяя свое место и постоянно измеряя глубины. Наступило такое время, когда Невельской решил, что дальше транспорту двигаться нельзя, а исследования нужно продолжать на шлюпках.

27 июня встали на якорь. С «Байкала» в разных направлениях систематически стали ходить шлюпки, постоянно и постепенно расширяя круг своих исследований. Смысл этих исследований и стратегического плана Невельского вполне понятен. К вечеру каждого дня итоговая карта в каюте капитана пополнялась новыми цифрами-глубинами, которые рано или поздно должны были высветить общую картину глубин в лимане, а значит, и определить судоходные места — проходы, которые моряки называют фарватерами.

В записке Невельского рассказывается о любопытных ситуациях, в которые попадали некоторые из участников работ. Однажды на берег были отправлены сразу три промерно-съёмочные партии: Гревенс на шестивесельном баркасе, Гроте — на четырехвесельном и Гейсмар — на вельботе. На транспорте осталось всего десять человек. Сильный шквал выбросил баркас Гревенса на осыхающую мель, а вельбот Гейсмара — на отмель вблизи селения Тамлево на Сахалине.

Гейсмар с матросами с трудом добрался до берега, где они сразу же развели костер и повесили белье на просушку. Утомленные трудным плаванием и успокоенные жарким солнцем, моряки уснули, не выставив дневального. Проснулись, а белья как не бывало. Пришлось

всем возвращаться на транспорт в верхнем одеянии. Невельской вмешался, заставив гиляков возвратить украденную одежду. Пришлось внушить аборигенам, что лучше попросить то, что им нужно, и что терпеть воровства моряки не намерены. Надо сказать, что строгие увещевания подействовали, и в дальнейшем между русскими и местными жителями сохранились самые дружеские отношения.

Можно рассказать и о таком приключении. 30 июня для осмотра сахалинских берегов были посланы Казакевич и Гейсмар с командами. Последнему было приказано осмотреть берег в северном направлении и попытаться добраться до видневшегося там селения, но не удаляться от места высадки более чем на пятнадцать верст. Гейсмар и с ним юнкер Ухтомский с шестью матросами после полудня высадились на берег, имея запас продуктов на неделю. Как всегда, они определили свое место, поставили палатку, оставили в ней четырех матросов во главе с князем Ухтомским, а Гейсмар с двумя моряками пошел в селение, придерживаясь общего направления на мыс Головачева.

Добрались до жилища они вполне благополучно. Селение оказалось большим — до тридцати домов, проживало в нем около 130 человек. Пришедших дружелюбно встретили, показали свое хозяйство, рассказали об окрестностях, о лимане и о его южной части, упомянули о мысе Погоби (а совсем не мыс Погиби, небрежно произведенный картографами по созвучию со словом «погибель»). Погоби по-местному означало «червяк», наверное, там их много водилось, вот и приметили место таким названием. Гейсмар поднялся на возвышенность и увидел: слева — песчаный берег, а прямо на восток — бугры, покрытые кедровым стлаником и густым хвойным лесом, начинавшимся верстах в семи от селения и видневшимся по всему горизонту. У самого леса, к юго-востоку, верстах в девяти, было заметно еще одно большое селение, до которого Гейсмар также решил добраться.

Он бодро шагал по вязкому песку, напрямую проложив курс по компасу. Песок сменяли поочередно то болотистые луга, покрытые диким цветущим розмарином, моршкочкой, то кустарник, наполненный небольшими болотцами. Вскоре Гейсмар так запутался, что решил вернуться в свою палатку. Но все попытки идти назад по компасу уводили его куда-то в сторону. В конце концов он направился прямо к берегу, и по нему еще целых два часа добирался до палатки. Только около девяти часов вечера офицер был на месте. Предпринятая на следующий день вторая попытка оказалась столь же неудачной. Проблуждав в кедровнике с четырех часов до полудня, Гейсмар так и не нашел дороги к селению.

Больше он не предпринимал попыток добраться до него. Гейсмар отправился к транспорту, тем более что отведенное для работы время закончилось. Но чем дальше вельбот отходил от берега, тем сильнее крепчал ветер. Переменилось и течение, бороться с которым стало тяжело, пришлось спускаться с попутным ветром к берегу. К девяти часам вельбот подошел к селению на мысе Головачева, где моряков встретило все население, давно уже наблюдавшее, как отважно они боролись со стихией. Здесь Гейсмар насчитал свыше полутора ста человек. Жители мигом вытащили суденышко на берег и помогли развести костер, за что щедро были вознаграждены табаком.

Казакевич также и по той же причине не сумел добраться до транспорта и тоже подошел к берегу, но встал на якорь — дрек, так как вытащить баркас на сушу не удалось. Гейсмар помог перевезти матросов на берег, где вместе они и устроились. Сразу же выяснилось, что двое матросов заболели. Пришлось их лечить подручными средствами, уложив спать под медвежьими шкурами. Спали плохо, палатку моряков всю ночь окружали местные жители. Утром переменяли стоянку, перейдя на старое место, куда перевели и баркас. Так продолжалось двое суток, до тех пор, пока не утих ветер. Только 3 июля удалось подойти к «Байкалу» и доложить обо всем произошедшем Невельскому.

Тревожно становилось на душе у командира. Время шло, а вход в Амур был еще не найден. О южном проливе имелись сведения только от местных жителей, а надо было везде побывать самим, точнее, после исследований офицеров, ему самому. 5 и 6 июля попытались одновременно изучить проходы около берега Сахалина и у материка, чтобы найти вход в устье Амура. Гроте с шестью матросами пошел к Сахалину, а Казакевич на четверке — к материковому берегу. Оба офицера прилагали все усилия для того, чтобы выполнить не только приказание командира, но исполнить и свой долг. Расскажем чуть подробнее об этих вояжах сподвижников Невельского. Хотя бы потому, что они сыграли едва ли не решающую роль во всей экспедиции.

Останавливаясь у каждого населенного пункта, мичман Гроте спрашивал у местных жителей, как они плавают в устье Амура, и всякий раз ему отвечали, что плавают напрямую. Когда он попробовал сделать так же, то у него ничего не получилось: несмотря на частые измерения глубин, он так и не смог найти фарватера. Можно было, конечно, этому найти объяснение и в том, что ему мешало, может быть, чрезмерное усердие. Однако встречное течение упорно говорило о том, что где-то совсем близко, рядом, находится устье. Только

у огромной реки оно могло быть таким мощным. Гроде удалось нащупать глубины в пять — восемь саженей, безопасные для плаванья, но они тянулись вдоль Сахалина, параллельно ему и в небольшом от него расстоянии. Правда, продвигаясь вдоль, а точнее, по этим глубинам, молодой мичман вдруг совсем неожиданно для себя «попал» на обширную отмель, протянувшуюся на запад от Сахалина к предполагаемому устью. С такими невеселыми мыслями Гроде возвратился на транспорт и по порядку доложил обо всем своему начальнику. На что последний возразил, что не может эта отмель заполнять весь лиман. Где-то же должен существовать проход, причем глубокий, полноводный, придонный, по которому вода мощным, беспрерывным потоком устремляется из Амура. С этим нельзя было не согласиться. И Невельской думал, думал и рещал... А пока он ждал вестей от Казакевича.

Петр Васильевич отправился на четверке на следующий день после Гроде. Невельской приказал ему не только дойти вдоль берега до устья Амура, но и по возможности подняться по нему верст на десять, беспрестанно делая промеры. Геннадий Иванович не терял надежды на то, что при таком обрывистом крутом берегу фарватер как раз и может идти, как говорят моряки, под берегом. На это обстоятельство Невельской еще и еще раз просил обратить внимание. Казакевич был готов ко всему, но только не к тому, чтобы не суметь отойти от транспорта. А дело в том, что в лимане Амура, как в трубе, преобладают сильные южные ветры. На этот раз ветер оказался таким, что в течение четырех часов не позволял Казакевичу отвалить от «Байкала».

Наконец Казакевич ловко лавирнул парусом и четверка оторвалась от транспорта, отдавшись на волю волн. Пока добирались до берега, все вымокли до нитки: брызги от морской пены — это совсем не то, что брызги шампанского во время престольного праздника. Не доходя до берега, Казакевич дал возможность отдышаться себе и матросам на отмели. Высадились, вытащили четверку, развели костер, сразу не заметив того, что на противоположной стороне кошки расположилось селение. После того, как его обнаружили, туда немедленно и отправился пытливый Казакевич со своим вестовым матросом.

На подходе к селению Казакевича встретила толпа местных жителей. На противоположном берегу тоже размещалась большая деревня. Казакевич посетил и ее. Выяснилось, что деревня действительно большая, здесь он насчитал около сотни жителей. Продолжив опись, Каза-

кевич заночевал в небольшом заливчике под названием Ичо, там же находилось еще одно маленькое селение, имевшее такое же название.

На другой день опись продолжилась. Берег был гористый, крутой, поросший кедром и хвойными породами, в низинах было много ягод, преимущественно смородины, морошки, малины. Ночью моряков беспокоило поведение местных жителей: некоторые из них настойчиво просили табак, кресало, огниво. Берег-мыс, называемый аборигенами Табахом, тянулся недалеко. Он круто обрывался в реку, течение вокруг него бурлило. Мыс оказался северным входным мысом в устье реки Амур. Вода вокруг была чистойшей и пресной — это были амурские воды.

Чтобы окончательно убедиться в этом, Казакевич поднялся на высокую гору, которая также называлась Табах. Вид, который открылся ему с этой высоты, был изумителен. Где-то очень далеко в дымке виднелся противоположный берег. Позднее выяснилось, что расстояние до него в устье этой огромной реки составляет восемь морских миль, то есть около пятнадцати километров. Посредине этой громады располагалась большая мель, проходы имелись только в северной и в южной частях реки. Вот поэтому-то так долго искали вход в устье Амуре: его пытались обнаружить на всем широком пространстве лимана, но не под берегами его устьевой части.

Исполняя распоряжение Невельского, Казакевич не удовольствовался увиденным и открытым. Он решил идти вдоль берега Амуре вверх по течению, чтобы совершенно ясно обозначить устьевую часть этой великой реки. По Амуре он поднялся до селения Чныррах, оставившаяся на ночевки в многочисленных стойбищах нивхов. Глубины под берегом повсюду были значительными, доходя до 20—30 саженей. Самые маленькие глубины — и те достигали шести саженей, то есть оказались вполне достаточны для прохода морских судов. На обратном пути Казакевичу удалось в самом трудном месте прибрежного Северного канала — фарватера — найти и такое место, которое проходило под самым берегом и могло при надлежащем промере и навигационном оборудовании служить отличным проходом в Амур. Значит, Амур хотя бы с севера оказался не закрыт для морских судов.

Петр Васильевич с большой радостью доложил обо всем разведанном Невельскому, с нетерпением ожидающему его возвращения и беспокоившемуся о том, что сроки, отпущенные ему на исследования, истекают. Ведь впереди лежал еще весь юг лимана...

Теперь Невельской решился действовать самостоятельно. Общая картина стала ему ясна: оставалось найти Южный проход, установить

и Южный фарватер. На подготовку ушло двое суток. Мысленно Невельской «прокрутил» все возможные варианты несколько раз. С прибытием Казакевича он решил подняться по его пути, проверить и промерить еще раз самое опасное место на Северном фарватере, а также внимательно осмотреть места в районе селения Чныррах, так как в будущем именно здесь можно было расположить пост на устье Амура.

Все наличные плавсредства — шестерка, четверка и вельбот 15 июля в 6 часов утра с офицерами Поповым, Гейсмаром, Гроте, доктором Бергом и четырнадцатью нижними чинами во главе с самим Невельским отправились в решающее плавание от «Байкала». Об этом в журнале транспорта сохранилась соответствующая запись. За командира корабля остался Петр Васильевич Казакевич. Оставшиеся на «Байкале» не сидели без дела: они вели гидрогеологические наблюдения, ловили рыбу. Ее также привозили и новые добрые знакомые с мыса Табаха — с материка, не забывали моряков и сахалинские аборигены. Словом, служба, дела и меновая торговля на «Байкале» при Казакевиче были такими, которые принято называть образцовыми, да и сам Казакевич, несмотря на свою молодость, слыл лихим моряком, которого любили и офицеры, и нижние чины. Он умел превосходно ладить с местными жителями. Остается только пожалеть о том, что Казакевич не принимал участие в плавании отряда на юг лимана. Разносторонне развитый человек, он был не чужд изящной словесности: хорошо писал, а еще лучше делал зарисовки. Трудно сказать, кто вел записи и рисовал во время похода Невельского на юг. Вероятнее всего, это был Попов. По условиям плавания, как об этом будет рассказано несколько позже, записи, рисунки, предметы, вообще все, что было связано с пребыванием «Байкала» в лимане, было передано Невельскому, который сразу же по прибытии в Аян или Охотск переправил их как совершенно секретные материалы соответствующим ведомствам.

Начнем рассказ о плавании шлюпочной флотилии Невельского. Она отправилась к северному входному мысу в устье Амура — к мысу Табах. Фарватер шел под самым берегом, на котором часто встречались селения. Погода стояла прекрасная, все вокруг радовало и согревало душу, создавая чудесное настроение. Уже к исходу первого дня прошли мыс Чныррах, за которым виднелся небольшой полуостров, называемый местными жителями мысом Куегда. Там также стояли несколько хижин, уютно расположившиеся в излучине бухточки, образованной этим полуостровом.

На берегу провели астрономические определения, заложили реперы, на подходах к берегу измерили глубины. Место у полуострова Куегда, названное полуостровом Константина, понравилось всем, Невельскому же особенно. Строя планы на будущее, он распорядился сделать хорошую съемку местности и составить точный план, начертить план бухточки с подробными промерами глубин, наметил места для будущей пристани, поста, флагштока, сараев и построек. Все это было нетрудно построить, так как вокруг стоял хороший лес. Затем Невельской направился через широкий Амур на его правый берег. Почти напротив мыса Куегда, лишь чуть ниже, располагался мыс Мео.

Определившись здесь и взяв отсчет от этой точки, флотилия начала спускаться вдоль правого берега. По течению быстро миновали мысы Кукля, Налево, Вассэ. Глубины здесь были большие, заметно расширился и фарватер, поэтому промеры пришлось делать чаще и во многих местах, вплоть до правого входного мыса в устье Амура — мыса Пронге. Место здесь было весьма подходящим для внешнего рейда кораблей, которые проходили бы в устье Амура и следовали бы к будущему порту на мысе Куегда.

Сразу за мысом Пронге, впрочем, как и вблизи него, фарватер шел близко к берегу, так что поначалу боялись за что-нибудь зацепиться. И хотя морякам явно везло с погодой, было как-то странно идти и дальше вдоль берега, хотя прямо на юг отчетливо и вблизи были видны два островка. Вдруг течение стало делать изгибы, заметно обмельчало до такой степени, что стали видны под водой бровки этих фарватеров. Небольшой ветер позволил поставить парус, но он не разгонял волны на мелководье, что обычно наблюдается на глубоких местах, имеющих ограниченную площадь.

Курс держали на передний островок. Не доходя до него и ориентируясь по глубинам, отвернули к другому острову. Прошли неподалеку от обоих, стали править к берегу. Впереди не было видно даже бровок на фарватере — полнейшая неизвестность. Справа остались селения на мысах Сабах, Хусси или Усси, миновали красивый, поросший густым лесом, высокий мыс Джаоре и вышли к реке, в устье которой находилось небольшое селение Чоме. Напротив него в лимане были заметны несколько островов, которые получили затем название островов Хагемиф (по имени самого большого из группы) или Частых островов.

Невельскому стало немного не по себе: неужели тут и кончается лиман, и никакого Южного прохода нет? Но что это? За островами, к югу от них, и сразу за мысом Чоме снова оказалась большая вода,

а вдаль чернелись признаки береговой черты. Невельской повернул еще больше влево и к югу увидел за мысом небольшую речку, в устье которой расположилось маленькое селение. От него берег поворачивал прямо на восток. Идти оставалось только туда. Судьба сыграла с Невельским злую шутку! Берег круто уходил к северо-востоку, но справа от маленького выступа еще виднелась полоска воды.

И вот все ближе и ближе этот злосчастный мысок. Подошли к нему совсем близко, а глубины не уменьшаются. Шли на таком расстоянии, что порой можно было веслом оттолкнуться от берега, глубины же оставались как в открытом заливе и были вполне пригодны для прохода морских кораблей. Вскоре стало отчетливо заметно, что это совсем не мысок, а отдельно стоящий большой камень. На близлежащем горизонте противоположные берега как будто бы сошлись.

Невельской продолжил путь, держась слева от этого острова, который, как после узнали, назывался островком Огби. Некоторое время шли в неизвестности. Но вот за островом, на юге открылась полоса воды там, где казалось, что берега сходятся. И шлюпки устремились вперед, на юг. Справа по пути следования был высокий, красивый, извилистый, со многими бухтами и заливами, украшенный мысочками берег, а слева — едва приметный сахалинский берег, низменный, песчано-дресвяный. От местных жителей узнали, что это мыс Погоби.

И все-таки Невельской двигался ближе к правому гористому берегу, опасаясь, что слева может наткнуться на какую-нибудь береговую отмель. Пока все шло благополучно, и вскоре узкий фарватер стал постепенно расширяться. Материковый и сахалинский берега резко отошли друг от друга. Теперь Невельской, а вместе с ним и все присутствующие поняли, что они прошли тем самым проливом, который так долго искали и который не удалось найти их предшественникам. А когда измеренная широта оказалась такой же, какой была у Браутона, то никаких сомнений в этом больше не оставалось: впереди был не Татарский залив, а Татарский пролив! А только что пройденный пролив еще при жизни Невельского стали называть проходом или проливом Невельского. Иногда даже давно известное или малоизвестное приходится открывать заново. Невельской искренне поздравил экипаж, рассказал им, какое огромное значение для Дальнего Востока имеет открытие пролива, через который отныне, также как и через Северный, будут ходить морские суда в Амур, который соединит Сибирь и всю Россию с Тихим океаном самым коротким путем.

Возвращаться на корабль Невельской решил вдоль Сахалина. Если бы тут отыскался фарватер на всем протяжении лимана, то можно было бы говорить об огромной удаче, о том, что все намеченное успешно выполнено. Важными вехами стали фарватеры, ведущие в лиман с севера, из Охотского моря, и Южный, по которому удалось превратить Татарский залив в Татарский пролив. Они оба стали называться именем Невельского: Северный фарватер или фарватер Невельского и Проход Невельского. Теперь надо было успешно завершить дело, разыскав третий судоходный фарватер в лимане — Сахалинский. Одновременно следовало установить, имеется ли связь между фарватерами, то есть попробовать обнаружить хотя бы неглубокий проход от Сахалина напрямую к устью Амура.

И это исследователям в какой-то мере удалось. Существовал и сейчас существует небольшой, неглубоководный, но при определенных условиях преодолеваемый морскими судами проход. Могу добавить к этому, что я, автор, во время своих трехлетних работ в 1951—1953 годах, ровно через сто лет после экспедиции Невельского, убедился в точности и правильности его исследований. Несколько раз проходил я Северным фарватером или фарватером Невельского, еще ближе — Южным проливом или проливом Невельского — и ни разу не испытывал серьезных препятствий. Лишь иногда слегка приходилось касаться днищем бровки фарватера в районе островов Уюзют и мыса Хусси. Однажды сильный ветер заставил нас встать на якорь на Сахалинском фарватере, причинив порядочно хлопот, плотно усадив судно при отливе на мель, но также успешно нас снял наступивший при приливе штиль.

Невельской и его офицеры успешно отыскивали направление Северного фарватера и его, как моряки называют, амурского аппендикса. Описали сам берег, определили на нем несколько астрономических пунктов — мысы Погоби, Халезова, селение Наньо, обследовали устья рек Пыски и Пыйде. Побывали они и в тех местах, которые исследовали Гейсмар, Казакевич, Гроте. Невельскому не терпелось не только скорее доложить об исследованиях в лимане, но и, получив подлинные царские инструкции, освободиться от необходимости описывать юго-западные берега Охотского моря с Шантарскими островами и гаванью Великого князя Константина, предусмотренные наставлением. Он ожидал, что эти инструкции ему доставит на «Байкал», как условились, адъютант Н. Н. Муравьева капитан Михаил Семенович Корсаков.

Отложив эти исследования до более благоприятных времен, Невельской «сможет для более ощутительного доказательства возможности входа морских судов с севера и с юга» войти «в реку с транспортом и оттуда через Татарский залив (по привычке писали еще так, а не пролив) вокруг острова Сахалина» идти прямо в Охотск. План был такой заманчивый, что захватывало дух! Не только открыть, но и самому, первому, пройти только что найденным путем, осуществить это на практике, на деле!

Возвратясь 1 августа на ставший родным «Байкал», Невельской застал его в полном порядке: Казакевич был хозяином отменным. Посланцев от Муравьева на транспорте не было, кроме почти ежедневно приезжавших нивхов. Упускать время было нельзя, и на следующий день «Байкал», снявшись с якоря, отправился выполнять официальное предписание. Пока Невельской действовал изумительно четко, грамотно, не нарушая дисциплины. Он успевал везде, и в результате имел еще больше месяца для выполнения требований инструкции. Невельской начал описание с прибрежных островов южной части Сахалинского залива.

За ними оказался залив, прегражденный в нескольких местах песчаными намывными барами. Лишь в одну часть этого залива можно было войти без риска сесть на мель. Глубины здесь оказались большими, чем в остальных частях. Эта часть залива располагалась ближе к лиману Амура, и могла, по мнению Невельского, стать отправным местом для будущих исследований в Приамурье. Л. А. Попов составил подробный план этого залива, который Геннадий Иванович с большим смыслом и не меньшими надеждами назвал заливом Счастья. Про себя он уже решил, что здесь в самом скором времени появится русское селение, своеобразный штаб будущей постоянно действующей экспедиции, откуда ее члены начнут исследовать и постепенно осваивать Приамурье и Сахалин.

С 8 по 12 августа «Байкал» плывал к северу от залива Счастья, так как на старых картах берег уходил к северу именно в районе описанного залива. Возможно, что у Невельского были какие-то свои соображения, чтобы уйти от берега к северу. Может быть, он надеялся встретить там обещанное Муравьевым судно. Подойдя к мысу Александра, Невельской пошел к островам Рейнке и Меншикова, офицеры положили их на карту. Оставался не осмотренным открытый и описанный ранее В. К. Поплонским залив Великого князя Константина, который располагался в Ульбанском заливе, северная часть которого носила название залива Академии.

Но перед тем как идти туда, Невельской был снова введен в заблуждение неточностями карты, на которой мыс Мухтеля был изображен намного южнее того места, где он лежит на самом деле. Для того, чтобы до него добраться, надо было потратить много времени, идя почти до острова Кусова, где в итоге «Байкал» и оказался. К тому же, ввиду неточности карты, надо было соблюдать крайнюю осторожность, спускаясь к заливу Академии. Тут и встали на якорь. Гроте отправился разыскивать и описывать гавань Великого князя Константина. Выводы Невельского по этой описи были весьма категоричны: «По подробной описи и исследованию берегов этого залива оказалось, что он не представляет ни в каком отношении удобств для основания в нем порта». Одновременно Гейсмар описал Ульбанский залив, а Попов — залив, получивший название залива Святого Николая.

Итак, работа была успешно завершена. Сроки прибытия в Охотск — 10 сентября — можно было выдержать без особой спешки. Ведь было еще только 27 августа. Перед тем, как сняться с якоря, Невельской попросил всех офицеров дать расписку (она сохранилась в архивных делах), то есть обязательство сдать все бумаги, черновики, материалы, рисунки, вычисления, журналы, карты, любые материалы, добытые в лимане Амура. Все это следовало представить лично ему, Невельскому, до прибытия в Аян. Аналогичное обязательство подписали все унтер-офицеры и нижние чины. Как водится, в этом документе за неграмотных расписались грамотные.

После окончательного приготовления к выходу в Аян, где должны были высадить алеутов с байдарками, а затем уже идти в Охотск, матрос-впередсмотрящий доложил с салинга о том, что видит байдары, плывущие у мыса Мухтеля. Три трехшлюпочные байдары шли к «Байкалу». Через полчаса они были уже на борту транспорта. В них оказались шесть человек во главе со служащим Российско-Американской компании Дмитрием Ивановичем Орловым. От него моряки узнали кучу новостей.

Оказалось, что «Байкал» уже давно разыскивается ботом «Кадьяк», на борту которого находится с царскими указаниями М. С. Корсаков. Он сказал, что он сам, Орлов, также послан на розыски Невельского управляющим Охотской конторой Российско-Американской компании Василием Степановичем Завойко. Главной новостью стало сообщение о том, что в Аяне со дня на день ожидается прибытие генерал-губернатора Муравьева со свитой. Он отправлялся дальше на Камчатку, чтобы лично самому решить вопрос о том, где в дальнейшем должен

располагаться тихоокеанский порт России: в Охотске, в Аяне, в гавани Константина или Петропавловске-Камчатском. Конечно, ему очень и очень нужны были результаты исследований экспедиции на «Байкале».

После таких известий Невельскому стало ясно, что нужно как можно скорее идти в Аян. Предусматривалось, что если Муравьева там не окажется, то байдарочники-алеуты будут высажены на рейде, а сам «Байкал» как можно быстрее двинется в Охотск, чтобы успеть перехватить «Кадьяк» с Н. И. Шарыповым и М. С. Корсаковым, а возможно и «Иртыш» с Н. Н. Муравьевым. На небольшом переходе все с напряжением всматривались в Аянский залив и вскоре заметили транспорт «Иртыш» под флагом генерал-губернатора. Пройдя входной мыс, «Байкал» салютовал вице-адмиральскому флагу Муравьева девятью пушечными выстрелами, на что с «Иртыша» отвечали семью. Произошло это событие 1 сентября.

Как сообщали участники того исторического плавания, в то самое время, когда Муравьев, убедившись, что на рейд вошел «Байкал», немедленно «полетел» на двенадцативесельном баркасе ему навстречу так, что весла гнулись под напором матросских рук. Он услышал от Невельского, стоявшего на шканцах ⁸, усиленные рупором такие долгожданные и поистине исторические слова, вошедшие во все книги по истории Дальнего Востока: «Сахалин — остров, вход в лиман и реку Амур возможен для мореходных судов с севера и юга. Вековое заблуждение положительно развеяно, истина обнаружилась!»

Затем произошла долгожданная встреча. Невельской передал Муравьеву и Меншикову давно заготовленные рапорты, сообщил, что готовятся подробные отчеты и иные материалы. Новости очень обрадовали Муравьева, он заспешил в Иркутск, куда возвращался после пребывания на Дальнем Востоке, на Камчатке, где на него огромное впечатление произвела Петропавловская гавань. Теперь же он узнал и замечательные сведения об устье Амура!

После проведенного в доме Завойко вечера, на который были приглашены все офицеры «Байкала», а также Д. И. Орлов и приказник Российско-Американской компании Алексей Павлович Березин, Муравьев 3 сентября со свитой направился в Иркутск. В тот же день из Аяна ушел в Охотск и «Байкал». 6 сентября он был на рейде Охотского порта, но войти в труднодоступное общее устье рек Охоты и Кухтуя сумел лишь десятого числа.

В соответствии с предписаниями, Г. И. Невельской был обязан сдать «Байкал» командиру порта И. В. Вонлярлярскому вместе с командой, а сам вместе с офицерами вернуться в Петербург через Сибирь по печально-известному Охотскому тракту. Все корабельное имущество перешло новому командиру транспорта, поручику корпуса флотских штурманов Алексею Кузьмину. И. В. Вонлярлярский докладывал начальству, «что транспорт и команды содержатся в лучшем виде, нижние чины — бодрыми духом, совершенно здоровыми». Моряки тепло прощались с Невельским и офицерами. Судьбе будет угодно, со многими из них Геннадий Иванович уже на следующий год встретится вновь. А пока «Байкал» готовился в рейс на Камчатку.

Если офицеры уезжали с Дальнего Востока в Петербург навсегда, то Невельской твердо решил, что он вернется сюда. А сейчас ему надо спешить в Иркутск, оттуда в Петербург. Как-то встретят его там? И он спешил.